

Рецензия

**к.ф.н. доцента кафедры филологии Московской духовной академии
Валерии Владимировны Смолененковой
на магистерскую диссертацию «Рецепция лингвистического наследия
Поместного собора Православной российской церкви
1917-1918 гг. в XX веке» диакона В.Е. Перепелкина**

Магистерская диссертация диакона В. Перепелкина (к сожалению, имя и отчество не расшифрованы на титульном листе) на тему «Рецепция лингвистического наследия Поместного собора Православной российской церкви 1917-1918 гг. в XX веке» представляет собой законченное авторское исследование скорее исторического, чем филологического характера. В фокусе анализа – полемика о литургическом языке на Поместном Соборе 1917-1918 гг., а также отношение к русификации богослужебных текстов в XX-XXI веках.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и небольшого приложения.

Во введении присутствуют как будто бы все необходимые элементы этой части диссертации, однако уже введение сформировало тревожное предчувствие. Сама постановка темы навела рецензента на вопрос: а что же будет предметом лингвистического исследования в работе, ибо обычно в позицию главного слова в теме выносятся предмет лингвистического исследования. Рецепцию лингвистического наследия сложно исследовать каким-либо филологическим методом, либо это объем докторской диссертации. Во введении заявлено, что объектом исследования выступает церковнославянский язык богослужебных книг Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX века (это обнадежило, но насторожило, ибо объект заявлен очень широким). А вот предметом исследования называются «различные аспекты полемики о литургическом языке на Поместном Соборе 1917-1918 гг.». «Неужели работа будет риторической и мы увидим разбор аргументации, критических тактик и уловок?» - подумал рецензент. Но опять возник вопрос: предмет – это часть объекта, уточнение аспекта, в котором будет рассмотрен объект. Здесь же нет связи между предметом и объектом: полемика на Соборе не является частью церковно-славянского языка. К сожалению, во введении никак не обозначен материал исследования. В этой строке обычно перечисляются те тексты, которые будут разбираться в дипломной работе. А анализируемых текстов практически и не оказалось. Единственный текст, который пытается анализировать уважаемый дипломник – это тропарь из четырех строк после девятой песни Великого канона св. Андрея Критского. Анализ вынесен в приложение и представляет собой оформленные в табличку пять редакций этого текста в различных переводах. Морфологический, фонетический, синтаксический,

лексический или какой-либо иной филологический разбор этого или каких-либо иных текстов отсутствует вовсе и в работе, и в приложении. Кстати, совершенно непонятно, зачем единственная попытка текстового анализа была вынесена в приложение, если она не занимает много места? В приложение обычно выносятся то, что слишком объемно или требует сложного форматирования. То, что должно было быть в основной главе, оказалось куцым приложением.

Пять глав диплома повествуют о полуторавековой дискуссии между сторонниками и противниками русификации литургических текстов с опорой на теоретические работы других авторитетных авторов, занимавшихся этой проблематикой: А.Г. Кравецкого и А.А. Плетневой, Б.И. Сове, В. Шайцан, свящ. Д.Ахматова, В.Ф. Певницкого и многих-многих других. В результате магистерская диссертация выглядит как протяженный реферат чужих филологических и исторических исследований. Это допустимо и даже приветствуется в теоретической первой главе, но после этого должна следовать другая глава – с практическим анализом текста. Но он в работе отсутствует. Можно было бы, например, разобрать с точки зрения грамматики, лексики и фонологии различные редакции нескольких богослужебных текстов – принятых в практику и отвергнутых, сделать обобщение на предмет того, какие изменения принимаются духовенством и паствой, а какие отвергаются, выявить в этом какие-то закономерности и тенденции. В этом анализе проявились бы филологические знания, умения и навыки выпускника.

Может ли выпускная работа быть чисто теоретической? Такое случается, хотя и не приветствуется академической традицией, но тогда в теоретических рассуждениях должна быть какая-то новация, возникающая от сопряжения разных теоретических работ в рамках дипломного исследования, и в любом случае должна обсуждаться лингвистическая теория: категории грамматики, лексики, фонетики, аспекты теории дискурса, теории текста, риторики, лингвокогнитивных наук и т.д., а не просто обзор того, кто когда что написал по какому-то вопросу, причем вопросу в данном случае не столько лингвистическому, сколько церковно-политическому. Повторюсь: представленный труд скорее похож на историческое, а не на филологическое исследование.

В работе активно цитируются различные труды по истории Церкви. Но оформление цитат происходит своеобразным способом: идет пересказ какого-то эпизода из жизни Церкви, а потом в конце абзаца дается ссылка на чью-то работу. Такой принцип цитирования называется в научной среде «недобросовестный пересказ» или «недобросовестное цитирование». Кавычки для того и придуманы, чтобы обозначать границы чужих слов и выявлять степень новации мыслей цитирующего. Если необходимо повторить чей-то обзор (действительно, нет смысла заново делать работу, которую кто-то уже сделал, такое иногда случается и

может иметь место в дипломе), то тогда в начале главки дается сноска со словами «здесь и далее до конца этой главы обзор истории того-то дается с опорой на труды таких-то авторов». Тогда становится понятным, что это просто реферат. Если описание развития полемики есть труд самого диссертанта, то тогда нужно проставить кавычки, либо фразы типа «по мнению В.В. Виноградова», «как свидетельствует Л.Я. Щерба» и т.д. И только слова, следующие за такими вводными конструкциями будут относиться к авторству других ученых, а остальной текст – к авторству диссертанта. В этой же работе практически каждый абзац заканчивается сноской, но кавычки появляются крайне редко. Всего в работе 376 (!!!) нижних сносок – это приблизительное количество абзацев в этой работе. Кстати сказать, Министерство высшего образования и науки уже несколько лет ввело строгую рекомендацию не использовать нижние сноски для ссылок в ВКР и магистерских диссертациях, а применять систему цитирования через квадратные скобки. Нижние сноски должны использоваться для собственных примечаний автора и второстепенных уточнений.

К сильным сторонам работы можно отнести широкую теоретическую базу: в пяти главах разобраны около 150 статей и трудов на русском, английском и немецком языках по вопросу русификации богослужебных текстов. Можно похвалить и за общую связность повествования, неплохой слог, который, правда, местами нарушается фантастическими стилистическими ляпами или даже просто каким-то абсурдным несогласованным набором слов и букв, после которых рецензент возвращался к титульному листу и проверял, является ли автор диссертации носителем русского языка или работу писал китайский студент. Очень много не согласованных падежей, родов, чисел, на законченных слов и предложений (стилистические ошибки стоит устранить на страницах 11, 57, 58, 59, 61, 62, 68, 76, 86, 95, 97, 100, 108, 117). По всей видимости, после окончания сочинения работу никто не прочитал ни разу, ибо было бы естественным устранить опечатки типа «...чинопоследований Русская Православная Церковь (с.100)», «совершал церковную службу на русском я в церкви...» (с.68) и т.д. и т.п. Рецензент не должен превращаться в секретаря или корректора из-за ленности выпускника.

К стилистическим замечаниям я также отнесла бы следующие пожелания:

1) Не стоит соединять безличные конструкции (можно, нельзя, следует и т.п.) с деепричастными оборотами (с.31, 60, 94). Хотя эти конструкции и становятся все более обыденными и привычными, между тем они по-прежнему относятся в Академической грамматике к разряду ошибок, и уж как минимум в филологической магистерской диссертации их лучше заменять на личные конструкции с деепричастием.

2) Не стоит использовать сокращение «см.» для ввода в текст цитаты (с.99 и 100).

3) Надо знать, что если прямая речь вводится оборотом «как сказал такой-то», то после него нужна запятая, а не двоеточие, и прямая речь в этом случае начинается с прописной буквы (стр.103, 104 и др.места).

4) Надо стараться избегать скопления отглагольных существительных более двух единиц подряд (например, стр. 106: «появилась тенденция создания каталогизации богослужебных книг»).

5) Следует заканчивать каждую главу выводами, при этом заключение по всей работе не должно быть суммой выводов, а неким приращенным знанием по сравнению с выводами всех глав. Кстати, заключение в этой работе не содержит никаких принципиально новых обобщений – оно лишь дает обзор проделанной реферативной работы. Получился вместо выводов такой реферат реферата.

6) Избыточными, сугубо историческими по своей сути кажутся описания заседаний и каких-то частных эпизодов из жизни Церкви (например, с.106, 113). Это не имеет отношение к анализу лингвистических аспектов, не связано с темой напрямую.

Тем не менее, в целом работа представляет скорее позитивное, чем негативное впечатление: ее интересно читать, в ней нет каких-то серьезных теоретических ошибок, серьезных глупостей или иной ереси, но и нового в ней, к сожалению, тоже очень мало. Главный вопрос, который хочется задать оппонированному: в чем новация его дипломного исследования? Что нового он выяснил о рецепции идей Поместного собора Православной церкви 1917-1918 гг. по сравнению с тем, что было написано в пересказанных им источниках? Хочется также спросить: в чем заключается собственно лингвистическая составляющая этого выпускного сочинения?

Завершая свою рецензию, подчеркнем хороший уровень проделанной обзорной теоретической части и фактическое отсутствие практической работы. В связи с этим полагаем справедливым оценить магистерскую диссертацию диакона В. Е. Перепелкина на тему «Рецепция лингвистического наследия Поместного собора Православной российской церкви 1917-1918 гг. в XX веке» на оценку «удовлетворительно» либо «хорошо» (при условии достойной защиты).

К.ф.н., доц. кафедры филологии МДА
20.05.2020

В. В. Смолененкова